

В. В. Филатов
МГТУ, г. Магнитогорск

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПЛАТЕЖИ КАК СРЕДСТВО ЛИКВИДАЦИИ ЕДИНОЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВ НА УРАЛЕ В 1930-е гг.

Массовая коллективизация не позволила полностью ликвидировать индивидуальные единоличные хозяйства. Стремление властей быстрее расправиться с самостоятельными сельскохозяйственными производителями, заставить их вступить в колхозы приводило к поиску все новых и новых мер по ущемлению единоличников. В этих целях помимо уплаты значительного по своему объему сельскохозяйственного налога, выполнению обязательств по заготовкам сельскохозяйственной продукции индивидуальному крестьянскому хозяйству приходилось нести еще дополнительные денежные повинности.

В те годы принимались специальные законы по единовременному изъятию у единоличников дополнительных платежей. Единовременный налог на единоличные хозяйства был установлен постановлением ЦИК и СНК СССР в ноябре 1932 г. К уплате этого налога привлекались все единоличники, занимавшиеся сельским хозяйством и платившие сельхозналог.

Полностью или частично освобождались от налога хозяйства, которые полностью и в срок выполнили свои обязательства перед государством по денежным платежам и планам госзаготовок. Условия налогообложения устанавливались на основе условий обложения сельхозналогом.

Хозяйства, облагавшиеся сельскохозяйственным налогом по твердым ставкам, платили единовременный налог в размере 15–20 руб. Хозяйства, облагаемые сельхозналогом по прогрессивным ставкам, выплачивали этот налог в размере от 100 до 175 % к окладу сельхозналога 1932 г., но не менее 25 руб. Кулацкие хозяйства вносили единовременный налог в размере 200 % оклада сельхозналога 1932 г.

В тех случаях, когда отдельные единоличные хозяйства злостно не выполняли государственные задания по заготовкам, райисполкомам предоставлялось право повышать для таких хозяйств ставки единовременного налога вплоть до удвоения, но и это не освобождало данные хозяйства от выполнения планов государственных заготовок. Конкретные ставки налога для отдельных районов устанавливались местными советами. Им было предоставлено право для регионов с особенно большими

денежными доходами увеличивать ставки, но не выше чем в 1,5 раза по сравнению с установленными законом. Это был настоящий административный беспредел под прикрытием закона.

Срок для сбора единовременного налога устанавливался минимальный. До конца декабря предстояло отчитаться о сборе этого налога. 75 % собранного налога поступало в госбюджет, 10 % – в областной бюджет и только 15 % – в районные бюджеты.

Как отмечалось в постановлении, единовременный налог с единоличных хозяйств вводился «с целью привлечения к обложению возросших доходов единоличников от неземледельческих заработков и рыночных доходов, а также стимулирования выполнения ими обязательств перед государством по поставкам сельхозпродуктов»¹. И подобные цели провозглашались в 1932 г., когда голод заставлял единоличников отрываться от себя продукты, необходимые для пропитания, и нести их на рынок, так как помощи от государства ожидать было нечего: оно помогало, и то частично, только колхозникам.

Но и эти меры оказалось недостаточными: с хозяйственных мужиков собрали в виде сельхозналога еще дополнительные деньги, чтобы окончательно сломить тех, кто хотел самостоятельно решать свою судьбу. После того, как завершилась волна выходов из колхозов, началось новое наступление на имущих крестьян, которые на фоне других бедных выглядели очень состоятельными. Цель была одна – разорить и загнать в колхоз все крестьянство, чтобы жили по законам, которые диктует советская власть.

Единовременный налог, собранный в стране в 1932 г. и 1933 г., составил 166–170 млн руб. При этом реально собранная в 1933 г. с единоличников сумма более чем в 5 раз превышала запланированную в годовом бюджете². По данным К. Плотникова, в 1932 г. было собрано 169,8 млн руб.³.

Единовременный налог на единоличные хозяйства в 1934 г. вводился с целью охвата обложением неземледельческих и рыночных доходов тех хозяйств, которые облагались сельхозналогом не по фактически полученному доходу, в определенном проценте к нормативному доходу и обложение которых отставало от роста повышенных рыночных и неземледельческих доходов. Авторы этого налога полагали, что таким образом они предотвратят уклонение индивидуальных хозяйств от выполнения государственных обязательств.

Постановление ЦИК и СНК СССР «О единовременном налоге на единоличные крестьянские хозяйства в 1934 году» определило ставки разового налога. Единоличники, обложенные сельхозналогом по твердым ставкам и не имевшие рабочего скота и рыночных доходов, платили

от 15 до 25 руб., не имевшие рабочий скот, но получавшие рыночный доход – от 30 до 50 руб., а имевшие и то и другое сдавали от 50 до 125 руб.

Для единоличных хозяйств, облагавшихся сельхозналогом по прогрессивной шкале, были иные ставки. Те из них, которые не имели рабочего скота и рыночных доходов, платили 75–100 % оклада сельхозналога, а имевшие рабочий скот или рыночные доходы – 100–175 % оклада. Кулацкие хозяйства и здесь платили сполна – 200 % оклада сельхозналога.

Хозяйства, злостно не выполнявшие заданных им планов посева и обязательных поставок сельхозпродуктов государству, облагались единовременным налогом с удвоенной суммой налога. Сроки, как всегда были минимальные: до 15 ноября следовало уплатить первый взнос, а до 15 декабря – все остальное⁴. Причем нужно иметь в виду, что постановление появилось в конце сентября и многих единоличников застало врасплох. Впрочем, им было не привыкать к безропотному выполнению заданий. Иного было не дано, так как несогласных крестьян ожидали репрессии.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1934 г. предусматривало, что «при невыполнении в срок единоличными хозяйствами государственных обязательных натуральных поставок и неуплате денежных платежей взыскание обращается на все имущество единоличных хозяйств за исключением лишь дома, топлива, необходимого для отопления жилых помещений, носильного зимнего и летнего платья, обуви, белья и других предметов домашнего обихода, необходимых для недоимщика и лиц, состоящих на его иждивении»⁵.

Если в 1932 г. от единовременного налога государство получило официально 166 млн руб., то через два года вдвое больше – 331 млн руб., при том что количество единоличных хозяйств значительно пошло на убыль. Собранный в 1934 г. единовременный налог составлял 60 % от суммы, полученной в счет сельхозналога со всех крестьян (единоличников и колхозников)⁶.

В октябре 1937 г. был принят приказ Наркомата юстиции РСФСР «О порядке рассмотрения дел об описи и изъятии имущества недоимщиков за неплатежи налогов, страховых платежей, штрафов и за невыполнение обязательных натуральных поставок и о наложении штрафов по ним». В соответствии с этим приказом народные суды рассматривали дела о недоимщиках по заявлению ответственного по обязательным поставкам с утверждением районного уполномоченного Комитета заготовок.

Народный суд выносил решение о взыскании натурой всей невыполненной части обязательства. Также налагался штраф в размере, установленном специальным законом, по каждому виду обязательных по-

ставок и изъятии имущества недоимщика. В случае отказа недоимщика от добровольного исполнения судебного решения в течение десяти дней со дня его объявления, взыскание натурой и всей невыполненной части производилось исполнителем по обязательным поставкам на основе письменного распоряжения районного уполномоченного по заготовкам без судебного решения. Если нарушение носило злостный характер, то полагался штраф, и проводилась опись и изъятие имущества. Такие же санкции предусматривались по обязательному окладному страхованию и самообложению⁷.

В октябре 1937 г. приказом Прокурора СССР было запрещено создавать заградительные отряды и задерживать единоличников, неплательщиков налогов, описывать их имущество. Ранее разрешенные, такие действия теперь отнесли к вредительским, проводимым врагами народа в Наркомфине СССР⁸.

В 1938 г. было проведено еще одно наступление на единоличные хозяйства – введен налог с лошадей. Лошадь в тех трудных условиях единоличного существования позволяла в определенной степени пополнять скудный крестьянский бюджет и сводить концы с концами: платить непомерные налоги, вести худо-бедно свое хозяйство, заниматься извозом. С введением этого налога крестьянин оказался перед выбором: или оставаться с лошадью и разоряться, или избавляться от нее и вступать в колхоз. Правда, при вступлении в колхоз требовалось привести с собой и лошадку.

Как откровенно писал К. Плотников, «государственный налог на лошадь устранил имевшееся у единоличников преимущество перед колхозами и тем самым содействовал их вовлечению в колхозы. Этому же способствовало освобождение от налога на лошадь хозяйств, вступивших в колхоз до наступления первого срока уплаты и сдавших в колхоз своих лошадей». Как говорится, «не мытьем, так катаньем» загоняли в колхоз последних приверженцев свободы.

Как результат – количество лошадей в стране за 1938–1940 гг. в хозяйствах, привлеченных к обложению, сократилось вчетверо – с 356,6 тыс. до 89,5 тыс. голов, а налоговые поступления по этому виду обложения уменьшились вдвое⁹. В 1939 г. по сравнению с предыдущим годом численность лошадей в единоличных хозяйствах сократилась в Башкирии в 2,3 раза, в Оренбургской области – в 6,7 раза, в Свердловской области – в 3,4 раза, а к показателям 1934 г. итоги были еще более удручающими: снижение поголовья лошадей исчислялось в 19,6 раза, в 11,7 раза, и в 22,5 раза соответственно¹⁰.

Верно подметил И. Зеленин, что после введения налога на лошадей был перекрыт «последний канал возможности функционирования пред-

принимательского (рыночного) крестьянского хозяйства». Тогда нужно было выполнять установку наступления на единоличника, сформулированную на совещании в ЦК ВКП(б), что «их надо воспитывать в порядке экономических и финансовых мероприятий... усилить налоговый пресс»¹¹. Таким прессом как раз и служил налог на лошадей.

В год принятия закона в Свердловской области с единоличников собрали 3 млн руб. В 1939 г. в Пермской области налоги на лошадей составили 0,9 млн руб., а в следующем году – 0,7 млн руб.¹². В 1938 г. в Челябинской области единоличники заплатили за своих лошадей 4,3 млн руб., а в 1939 г. – вдвое больше – 8,6 млн руб.¹³. Так боролись с единоличниками, с помощью дополнительных налогов, разоряя их хозяйства.

Целенаправленное давление на крестьянские индивидуальные подворья привело к тому, что течение 1927–1933 гг. численность единоличных хозяйств в Уральском регионе резко сократилась. Особенно быстро уменьшилось количество единоличных хозяйств в Уральской области (в 3,7 раза), тогда как в Башкирии – в 2,5 раза, в Удмуртии – в 2,7 раза. Во второй половине 1930-х гг. количество единоличных хозяйств уменьшалось более быстрыми темпами, чем ранее. Их численность сократилась в Свердловской области в 26,2 раза, а в Оренбургской области – в 9,3 раза.

Обеспеченность одного единоличного хозяйства посевными площадями в Уральском регионе за 1927–1940 гг. сократилась в несколько раз. Если в 1927 г. хозяйство единоличника имело в Башкирии 5,2 га посева, то в 1938 г. – 1,1 га, а в Уральской области – 4,6 га в 1927 г. и 0,10 га в Свердловской области в 1940 г.

Большие изменения произошли и в животноводстве. Если в 1927 г. в Уральской области в одном хозяйстве единоличника насчитывалось в среднем 1,7 лошади, 3,2 головы крупного рогатого скота, 0,9 свиньи и 4,1 овцы, то в 1940 г. в Свердловской области единоличное хозяйство имело 0,2 коровы, 0,4 головы КРС, 0,05 свиньи и 0,85 овцы и козы¹⁴.

Таким образом, в течение одного десятилетия фактически были ликвидированы единоличные хозяйства, не вписывавшиеся в новую модель социалистического строительства на селе. В этом свою роль сыграли и дополнительные платежи с индивидуальных хозяйств. Они способствовали резкому сокращению численности единоличников, разорению их хозяйств.

Примечания:

¹ СЗ СССР. 1932. № 78. Ст. 476.

² Фицпатрик III. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 176.

³ Плотников К. Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954. С. 176.

⁴ СЗ СССР. 1934. № 49. Ст. 380.

⁵ СЗ СССР. 1934. № 48. Ст. 370.

⁶ Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: продуктовые и денежные повинности. Магнитогорск, 2007. С. 218.

⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 18. Л. 67–68, 70–71.

⁸ Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: состояние преступности. Магнитогорск, 2009. С. 184.

⁹ Плотников К. Н. Указ. соч. С. 242.

¹⁰ Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства. Магнитогорск, 2006. С. 148–150.

¹¹ Зеленин И. Е. Аграрная политика и сельское хозяйство в СССР после «революции сверху» (1930-е годы) // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 110, 111.

¹² ГАСО. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 118. Л. 10; ГАПК. Ф. 476. Оп. 2. Д. 1346. Л. 3 об.; Д. 1362. Л. 43 об.

¹³ ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 7. Д. 520. Л. 80.

¹⁴ Филатов В. В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: противоречия трансформации. Магнитогорск, 2006. С. 209, 213, 387–388, 446–447.